

Гармашов Артём

ОХОТА ЗА
ХРАНИТЕЛЯМИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

Артём Гармашов

**Цикл рассказов "Охота
за Хранителями"**

«Автор»

2026

Гармашов А. Д.

Цикл рассказов "Охота за Хранителями" / А. Д. Гармашов —
«Автор», 2026

Великие войны остаются в летописях именами правителей, полководцев и победителей. Для остальных они пахнут кровью, гарью и собственным страхом. Охота за Хранителями охватывает Велфир. Государства сталкиваются друг с другом, армии пересекают границы, старые верования оживают, а силы, которые веками считались легендами, вновь вмешиваются в судьбы мира. Но героям этих историй нет дела до великих замыслов. Они хотят вернуться домой. Спасти близких. Пережить ночь. Иногда — просто понять, что именно пришло за ними. «Охота за Хранителями» — цикл самостоятельных рассказов о тех, через чьи жизни проходит большая история. И далеко не всем удаётся пройти через неё вместе с жизнью.

© Гармашов А. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чёрная вода	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Артём Гармашов

Цикл рассказов "Охота за Хранителями"

Чёрная вода

09.08.937 Эпохи «Совета десяти».

Я понял, что сегодня случится что-то дрянное, ещё до того, как увидел лес. Просто понял.

Тьма под кожей зудела с самого утра — слабая, почти бесполезная, какой была всю мою жизнь. Обычно я вспоминал о ней, только когда в темноте начинал видеть чуть лучше соседей или зверь чуял меня позже, чем должен. Сегодня она будто шевелилась где-то внутри, не находя места. Я пару раз растёр предплечья. Не помогло.

— Герхард! Опять остановился?

Хилиарх Яромир шагал рядом, хотя мог бы спокойно ехать. Уже за это я считал его человеком странным. Высокий, широкий в плечах, в белом плаще с широкой багряной полосой поверх ламелляра. Умным он мне не казался. Зато за два дня рядом с ним я успел понять: если впереди окажется стена, Яромир скорее проломит её и только потом спросит, была ли рядом дверь.

— Думаю, — ответил я.

— Плохо получается. Дорогу показывать надо.

— Дорога одна.

— Тогда чего встал?

Я посмотрел вперёд. Посреди выжженной летней степи темнел лес. Единственный на много дней пути. Отсюда он казался почти чёрным.

— Не нравится мне там.

Яромир тоже посмотрел.

— Эльфы?

— Если бы я видел эльфов, сказал бы «эльфы».

— Тогда пошли.

Вот и весь Яромир.

Я сплюнул в траву и двинулся дальше. Позади растянулась его хоругвь — сотни имперцев в белом, сталь, копыта, щиты, лошади. Дорога под ними уже скрылась под пылью.

Меня они забрали три дня назад. На один день.

«Доведёшь до старого тракта», — сказали. Я довёл. Потом Яромиру понадобилась переправа. Потом обход высохшего солончака. Теперь понадобился лес. Если так продолжится, домой я вернусь после войны.

Если вообще вернусь.

Эта мысль снова царапнула изнутри. Я зло потёр грудь.

Глупость.

До деревни два дня хорошего хода. Жена справится. Старшие сыновья уже не маленькие. Мать будет брюзжать, что имперцам нельзя было показывать даже направление восхода, не то что дороги. Братья помогут, если понадобится. Никто без меня не умрёт.

И всё равно хотелось развернуться. Прямо сейчас. Так сильно, что я едва не остановился снова.

— Что с тобой? — спросил Яромир.

— Ничего.

Он хмыкнул.

— Ты с утра говоришь «ничего» таким голосом, будто собираешься кого-то зарезать.

— Если ещё и завтра буду с вами — возможно.

Хилиарх рассмеялся.

— Значит, силы есть.

Лес становился ближе. Ветер оттуда был прохладнее степного. Пахло влажной землёй и водой.

Чёрное озеро находилось глубоко внутри.

Когда я был ребёнком, мать говорила, что Ночной Страж поднялся прямо из его вод — соткался из теней под поверхностью и впервые увидел мир там, где теперь росли самые старые деревья. В воду без его приглашения входить запрещалось.

Так говорили раньше.

Позже служители Вечного Света объяснили, что всё это ересь и старые сказки. Несколько местных полезли в озеро едва ли не назло. Ничего не произошло. Я сам однажды заходил по колено. Тоже ничего.

И всё же плавать там мне никогда не хотелось.

Сегодня — особенно.

Тьма снова шевельнулась внутри.

Я остановился.

— Герхард, — рявкнул Яромир.

— Тихо.

На этот раз он не спорил.

Я смотрел на деревья. Что-то было не так. Лес я знал почти всю жизнь. Охотился здесь. Водил сюда чужаков. Спал под этими деревьями зимой и летом.

Сначала я решил, что опять чудит моя Тьма.

Тогда я увидел птиц.

Стая рванула над кронами. За ней вторая. Через несколько мгновений — третья. Все с западной стороны.

И ни одна не вернулась.

— Там интиты, — сказал я.

Яромир мгновенно подобрался.

— Сколько?

— Я егерь, а не пророк.

— Много?

Я посмотрел на лес. Теперь он стоял совершенно тихий.

Слишком тихий.

— Достаточно, чтобы птицы ушли.

Яромир развернулся.

— Передать по колонне. Щиты приготовить. Разведку вперёд.

Приказы побежали назад быстрее ветра.

Вот тут он был хорош. Не думал долго. Зато если решил — двигалось всё.

— Обойти можем? — спросил он.

— Можем. Часа четыре потеряем.

Яромир поморщился. За последние дни до нас дважды доходили гонцы с границы. Эльфы давили гарнизоны. Несколько тысяч уже перешли рубеж. Имперские части стягивались туда со всего Деспотата.

Четырёх часов у хилиарха, конечно же, не было. Я и без него знал, что он скажет.

— Идём через лес.

— Яромир...

— Мы не будем обходить каждого охотника, которого испугались твои птицы.

Я посмотрел на него.

— Тогда хотя бы людей вперёд пошли.

— Уже.

Он положил ладонь на рукоять меча и вдруг ухмыльнулся.

— Если там эльфы, тем лучше. Значит, не придётся искать их у границы.

Вот поэтому я и не считал его умным. Но трусом он точно не был.

Мы двинулись дальше. До первых деревьев оставалось шагов триста. На двухстах я снова почувствовал Тьму.

На этот раз сильнее.

Не зуд. Почти прикосновение. Будто кто-то провёл пальцем вдоль позвоночника — медленно, снизу вверх.

Я резко обернулся. Позади были только имперцы.

— Что? — спросил Яромир.

Я ещё несколько мгновений смотрел назад.

— Показалось.

Где-то впереди коротко свистнуло. Разведчик, шедший первым, дёрнулся. В его горле появилась стрела. Он ещё стоял, когда из леса вылетел второй залп.

— ЩИТЫ! — заорал Яромир.

Имперцы сомкнулись прежде, чем я успел толком пригнуться. Стрелы загрохотали по щитам, несколько перелетели строй, одна воткнулась в землю рядом со мной. По хоругви уже бежали команды, люди расходились с дороги, копейщики выдвигались вперёд. Я решил, что эльфы собираются держаться среди деревьев и расстреливать нас оттуда.

И тут задрожала земля.

Сначала едва заметно. Через несколько ударов сердца дрожь превратилась в гул сотен копыт.

— КОПЬЯ! — рявкнул Яромир. — ДЕРЖАТЬ СТРОЙ!

Из леса вылетели всадники.

Первых было несколько десятков, но следом между деревьями появлялись новые. Закованные в металл эльфы и тяжёлые лошади едва выходили на открытую землю — и сразу набирали разгон. Они врезались в передний край хоругви с таким грохотом, что я скорее почувствовал удар грудью, чем услышал. Копья ломались, лошади валились на людей, строй прогнулся.

Но устоял.

Я даже успел подумать, что имперцы их сейчас остановят.

Тогда из леса вышла следующая группа. Она ударила правее первой. Почти сразу ещё одна показалась дальше по дороге. Едва имперцы смыкались после одного удара, как с другой стороны появлялись новые всадники. Лучники всё ещё стреляли из-за деревьев, а между всадниками и имперским строем уже начала работать магия.

Слева вспыхнул Свет. В ответ впереди что-то ударило в землю, и меня окатило комьями грязи. Рядом пронеслась лошадь без всадника. Кто-то толкнул меня плечом и заорал:

— С дороги!

Вот тогда я и понял, что мне здесь делать нечего.

Когда-то я служил застрельщиком. Умел стрелять, отходить перед строем и не мешать тяжёлым, когда начиналась настоящая драка. Сейчас вокруг были люди, которые всю жизнь учились воевать, и даже их швыряло под копыта. У меня же остался один охотничий нож.

Я побежал назад.

За строем было не лучше. Раненых тащили в тыл, посыльные метались между стягами, имперцы пытались развернуть задние части хоругви. Стрелы уже падали и сюда. Я выскочил из общей толчеи и увидел перед собой степь — ровную, пустую, открытую до горизонта.

Бежать туда было самоубийством. Хватило бы одной перелетевшей стрелы. А если эльфы не попадут, ещё неизвестно, что подумают свои, увидев одинокого черноволосого мужика, который удирает от хоругви. Я был проводником, но на мне не было ничего имперского. Пока объяснишь, что не дезертир и не лазутчик, можно уже лежать с копьём в спине.

Оставался лес.

Именно оттуда пришли эльфы, но они выходили к дороге и били по хоругви там, где конница могла разогнаться. Сам лес уходил далеко в сторону. Если обойти край боя и войти под деревья за их флангом, там хотя бы будут стволы между мной и стрелами.

А лес я знал.

Я рванул вдоль сражения. Слева грохотали копыта и орали люди, справа лежала пустая степь. Ещё одна группа эльфийской конницы вылетела из деревьев где-то позади и с разгона ушла в строй. Я не стал смотреть, что произошло после удара. Бежал, пока людей слева не стало меньше, и резко свернул к лесу.

Стрела свистнула мимо уха.

Вторая ударила в траву впереди.

Я добежал до деревьев и нырнул под кроны.

Сразу стало темнее. Ветки били по лицу, корни цепляли сапоги, зато стрел больше не было. Я уходил всё глубже, не разбирая дороги. Сначала за спиной ещё слышались крики и ржание, а вскоре остались только далёкий грохот и вспышки магии между стволами.

Я бежал, пока лёгкие не начало жечь. Зацепился за корень и рухнул. Ладони полоснуло о землю. Подняться сразу не получилось, и я дополз до ближайшего дерева, навалился плечом на ствол и несколько раз жадно вдохнул сырой лесной воздух.

Далеко позади снова ударила магия.

И тут со стороны озера донёсся низкий женский голос:

— Помоги. Мне.

Я поднял голову и прислушался. Голос шёл из глубины леса, со стороны озера. Женский, низкий, звучал совсем рядом.

— Где ты?

Несколько мгновений было тихо.

— Здесь. У. Воды.

Я вытер ладони о штаны и поднялся. Ноги ещё дрожали после бега, сердце никак не хотело успокаиваться. За спиной снова громынула магия, и где-то высоко над кронами прошёл сухой треск.

— «Здесь» мне ни о чём не говорит. Кричи ещё.

— Я. Здесь. Меня. Оставили.

Говорила она как-то странно. Медленно, с паузами не там, где я ожидал, но сейчас мне было не до чужого выговора. Мало ли откуда она родом. В Деспотате кого только не встретишь, особенно возле тракта.

Я шагнул на голос.

— Кто тебя оставил?

— Они. Ушли. Я. Осталась.

— Кто — они?

Ответ пришёл не сразу.

— Другие.

Очень полезно.

Я поморщился и двинулся дальше. Если какая-то дура умудрилась оказаться у озера посреди боя, бросать её здесь было нельзя. Выведу к южной стороне леса, покажу направление на ближайшую деревню, а дальше пусть разбирается сама. Мне и одного Яромира хватило.

Лес я знал, поэтому вскоре понял, куда иду. Земля начала опускаться, стало влажнее, между корней проступила вода. Озеро было уже близко. Голос тоже должен был становиться ближе, но почему-то оставался таким же.

— Ты ранена?

— Нет.

— Тогда почему сама не выйдешь?

— Я. Жду.

— Чего?

После короткой паузы она ответила:

— Тебя.

Я остановился.

По спине снова прошёл тот же холодок, что перед нападением. На этот раз гораздо сильнее.

— Меня?

— Ты. Пришёл. Помочь.

Вот теперь мне совсем не понравилось, как она говорила. Не голос — слова. Будто сначала решала, что именно хочет сказать, и лишь затем вспоминала, как это произносится.

Я оглянулся. Между деревьями никого.

— Не знаю, кого ты там ждала, но меня точно не жди. Покажу дорогу и уйду.

— Хорошо.

Сказано было ровно. Без облегчения, без благодарности. Словно она просто повторила подходящий ответ.

Я пошёл дальше.

Через несколько минут между стволами блеснула вода. В сумерках она была почти чёрной. Значит, я вышел правильно: северо-западный берег. Отсюда до старой охотничьей тропы совсем недалеко, а по ней можно обойти место боя и уйти на север.

От одной этой мысли стало легче.

— Я у озера! — крикнул я. — Где ты?

— Иди. Ко. Мне.

Голос был впереди.

Я сделал несколько шагов, раздвигая ветви. Воду уже было хорошо видно, но женщины на берегу не было.

— Кричи.

— Иди.

— Да куда идти-то?

Слева вспыхнуло.

Мир на миг стал белым.

Я инстинктивно закрыл лицо рукой, но поздно. Свет пробил даже через веки. Следом ударил грохот, от которого задрожала земля, и я едва удержался на ногах.

— Твою мать!

Перед глазами плавало белое пятно. Я моргал, тёр лицо и ничего не видел.

— Иди, — снова сказала женщина.

— Я ослеп! Подожди!

— Я. Жду.

В этом хотя бы сомневаться не приходилось.

Я вытянул руки перед собой и пошёл медленно, нащупывая дорогу сапогами. Первые несколько шагов я ещё чувствовал под ногами мокрую землю. Задел плечом одну ветку, затем другую. Где-то далеко продолжал греметь бой, и я держал его слева, чтобы хотя бы понимать, куда повернуть.

Белое пятно перед глазами постепенно тускнело.

Темнота оставалась.

Я прошёл ещё немного и начал злиться.

— Ты вообще меня видишь?

— Да.

— Тогда могла бы подойти сама.

— Нет.

— Почему?

На этот раз она молчала долго.

— Я. Не. Могу. Выйти.

Я хотел спросить, почему, но за спиной снова что-то гроыхнуло. Тише, чем прежде. Наверное, ушёл уже достаточно глубоко.

Я продолжал идти.

Глаза должны были хоть немного привыкнуть, но не привыкали. Не видел даже собственных рук перед лицом. Я провёл ладонью по воздуху, ожидая наткнуться на ветку.

Не встретил.

Сделал ещё несколько шагов.

Ветвей всё не было.

Тогда я остановился и прислушался. Не услышал ни листьев, ни ветра, ни насекомых. Даже собственных шагов уже не было — только далёкое дыхание.

Хотя нет.

Не далёкое.

— Где ты? — спросил я.

— Здесь.

Я резко повернул голову. Теперь она ответила не спереди. Голос прозвучал сразу со всех сторон.

Я замер.

И только тогда понял, что больше не слышу битвы.

Она не стала тише. Не ушла дальше за деревья. Просто исчезла. Я задержал дыхание и вслушался до боли в ушах, но не было ни грохота магии, ни криков, ни ветра в кронах. Самого леса будто тоже больше не существовало.

Остались моё дыхание, стук крови в висках и женщина.

— Где я?

— Здесь.

— Где — здесь?

Небольшая пауза.

— Со. Мной.

Я выругался и заставил себя не двигаться. Паника уже толкала вперёд: идти, искать, делать хоть что-нибудь. Но если потерялся — сначала стой. Это я усвоил задолго до того, как научился нормально натягивать лук. Чем быстрее мечешься, тем больше незнакомого места успеваешь создать собственными ногами.

Я вытянул руку перед собой, провёл влево, вправо, над головой. Ни ветки. Опустился на корточки и потянулся к земле.

Пальцы не встретили опоры.

Нахмурившись, я опустил руку ниже. Ещё ниже. Подошвы на чём-то стояли, колени были согнуты, вес тела куда-то уходил — значит, поверхность существовала. Но ладонь уже находилась ниже ступней и всё ещё шарилась в пустоте.

— Что за дрянь...

Я выпрямился и несколько раз топнул. Нога каждый раз останавливалась, словно встречала землю, но удара я не слышал и даже толком не чувствовал подошвой. Отступил на шаг, на другой. Никакой ветки. Никакого корня.

Вот тогда меня повело.

Я сделал ещё несколько шагов, быстрее, почти побежал, но сам себя остановил.

— Нет. Стой. Стой, дурень.

Собственный голос прозвучал так громко, будто кто-то крикнул прямо мне в ухо.

Я попробовал сесть. Тело опустилось и почему-то остановилось там, где должно было встретить землю. Под задницей не чувствовалось опоры, но я не падал. Проверять, насколько далеко простирается эта мерзость, второй раз не захотелось.

Закрыв глаза. Разницы никакой.

Оставалось дышать.

Я начал считать вдохи. На пятом сердце перестало так яростно колотиться. К десятому пальцы почти перестали дрожать. Плевать, где я. Пока меня не жрут, не режут и не стреляют — можно думать.

— Ты. Боишься, — сказала женщина.

— Ещё бы.

— Скажи.

Я открыл глаза в ту же непроглядную черноту.

— Что сказать?

— Страх.

— Я боюсь. Довольна?

Ответа не последовало.

Вместо этого вокруг груди что-то сомкнулось.

Сначала я решил, что мне показалось. Просто вдох вдруг не получился до конца. Я попробовал ещё раз — рёбра разошлись совсем немного и упёрлись во что-то невидимое. Давление усилилось, медленно, почти осторожно, словно меня обхватили огромными ладонями и теперь проверяли, насколько сильно можно сжать, прежде чем что-нибудь треснет.

Я вскочил и вцепился пальцами себе в бока.

— Какого хрена?!

— Скажи.

На следующем вдохе под нижними рёбрами кольнуло. Я попытался выдохнуть и снова набрать воздуха, но грудь уже почти не расширялась.

— Я сказал! Я боюсь!

— Почему?

— Потому что ты меня душишь!

— Нет.

Сжало сильнее.

— Потому что я ни хрена не вижу!

— Нет.

— Потому что не знаю, где я!

— Нет.

Я уже стоял согнувшись. Воздух приходилось втягивать короткими глотками, между вдохами в груди нарастало жжение.

— Потому что сдохнуть не хочу!

Давление на миг замерло.

Я почти поверил, что угадал.

— Нет.

— Да пошла ты...

Последние слова вышли шёпотом.

Я опустился на колени. Перед глазами и без того была тьма, но теперь внутри неё поплыли серые пятна. В ушах появился тонкий звон.

Почему я боялся?

Сдохнуть? Конечно. Кто смерти не боится — тот либо врёт, либо уже мёртв.

Но она хотела другого.

Я вспомнил дом. Не специально. Просто увидел жену у двери. За ней — мать. Старших мальчишек. Девчонок. Младшего, который наверняка опять полез куда-нибудь, куда ему запретили.

Я ушёл утром.

Меня забрали на день.

На второй.

На третий.

А теперь я исчез.

— Они будут ждать, — выдавил я.

— Кто?

Слова почти не выходили.

— Мои. Жена... дети. Мать.

Я попытался вдохнуть глубже и тут же скривился.

— Я боюсь, что они будут ждать меня. Искать. Спрашивать. А никто не скажет им, где я. Потому что никто не знает.

Давление исчезло.

Не ослабло — пропало сразу.

Грудная клетка резко расправилась. Я судорожно втянул слишком много воздуха и закашлялся. Лёгкие жгло, в боку ещё несколько мгновений держалась боль, будто ребро сломано, но под пальцами всё было цело.

— Вот, — сказала женщина.

Я ещё кашлял.

— Что... «вот»?

— Правда.

Мне захотелось ударить её уже тогда.

— Ты умеешь. Прятать, — продолжила она. — Хорошо. Прятать.

— Заткнись.

— От других.

Я вытер мокрый рот ладонью.

— Я сказал, заткнись.

— От себя.

После короткой паузы она добавила:

— Первый сын. Не твой.

Несколько мгновений я просто сидел.

— Что?

— Первый. Который называет. Тебя отцом.

Я медленно поднялся.

— Закрой рот.

— Тебя не было. Дома. Когда он начался.

— Закрой. Рот.

Я когда-то считал.

Один раз. Давно.

Пересчитал ещё раз, потому что в первый наверняка ошибся.

Я был в ополчении. Вернулся позже, чем должен был. Все думали, что я погиб. Жена, видимо, уже носила ребёнка. Тогда я ещё говорил себе, что сроки можно считать по-разному. Что она могла ошибиться. Что я сам мог забыть день. Что ребёнок родился раньше срока.

Родился мальчик.

Крепкий. Красный. Орущий так, что слышала половина деревни.

Не недоношенный.

Я больше никогда не считал.

Никогда.

— Он не родился. Раньше срока, — сказала женщина.

У меня сами собой сжались кулаки.

— Замолчи.

— Ты знаешь.

— Я ничего не знаю.

— Знаешь.

— Это мой сын.

— Да.

Я замер.

— Что?

— Ты. Его отец.

От этого стало только хуже.

— Тогда какого хрена ты...

— Но не. От тебя. Он родился.

— ЗАТКНИСЬ!

Я заорал так, что заболело горло. Крик ушёл в пустоту и не вернулся даже эхом.

Несколько мгновений слышалось только моё тяжёлое дыхание. Ногти впивались в ладони.

Наконец она заговорила:

— Другого. Ты спрятал.

Я похолодел.

— Кого?

— Того. Которого убил.

Темнота осталась прежней, но я всё равно увидел тот день.

Сухая трава. След зверя. Его спина между кустами. Движение там, где я ожидал увидеть оленя.

Ошибка.

Он лежал на боку и пытался втянуть воздух через пробитую грудь.

Я стоял рядом.

Вскоре он перестал пытаться.

А дальше была яма.

— Это был несчастный случай.

— Да.

Спокойное согласие оказалось хуже обвинения.

— Я не хотел его убивать.

— Да.

— Тогда какого хрена ты...

— Ты спрятал.

Я почувствовал, как лицо наливается жаром.

— Я испугался.

— Да.

— Я не знал, что делать!

— Ты знал.

— НЕ ЗНАЛ!

— Рассказать.

Я бросился на голос.

Не выбрал направление и даже не подумал, где она находится. Просто рванул вперёд и ударил туда, откуда в тот момент слышал её.

Кулак ничего не встретил.

Зато что-то встретило меня.

Удар пришёл сбоку, под рёбра, будто с размаху въехало бревно. Воздух вышибло сразу. Я услышал хруст, тело сложилось, и меня швырнуло в сторону. Пока летел, успел подумать, что сейчас сломаю позвоночник.

Спиной я ударился обо что-то твёрдое.

Боль вспыхнула вдоль позвоночника до самого затылка. Ноги на несколько мгновений онемели. Я съехал вниз, не понимая, откуда взялась стена там, где секунду назад не существовало вообще ничего.

Попытался вдохнуть.

Под правыми рёбрами словно застрял раскалённый крюк.

— Гнев, — сказала женщина.

Я ощупал бок. Каждое прикосновение должно было болеть, если там действительно были переломы.

Под пальцами рёбра были целы.

А боль оставалась.

Вот это испугало сильнее самого удара.

— Тварь.

— Гнев.

В голосе впервые появилось что-то новое. Не насмешка и не удовольствие. Скорее удовлетворение человека, который нашёл нужный след.

Я плюнул куда-то в темноту.

— Подойди ближе. Покажу тебе гнев.

— Десять.

Я замолчал.

— Что?

— Девять.

Я поднялся, придерживая бок, хотя прекрасно понимал, что держать там нечего.

— Что ты считаешь?

— Восемь.

— Что будет?

— Семь.

Проклятье.

Я обернулся, хотя смотреть было некуда.

— Шесть.

Ноги сами понесли меня вперёд. Сначала шагом.

— Пять.

— Стой.

— Четыре.

Я ускорился. Не потому что знал куда. Просто не мог оставаться на месте и слушать, как заканчиваются числа.

— Три.

— Что будет на нуле?!

Я уже почти бежал вслепую, вытянув руки перед собой.

— Два.

— Отвечай!

— Один.

Я остановился, пригнулся, втянул голову в плечи и закрыл её руками, ожидая удара, жара, ломающихся костей — чего угодно.

— Ноль.

Ничего.

Я продолжал стоять, стиснув зубы. Мышцы спины свело от напряжения, икры дрожали, в висках стучало.

Прошло несколько мгновений.

Я осторожно разогнулся.

— Ну?

Тишина.

— Ну?!

— Ты очень. Много сделал.

Сначала я не понял.

Тут до меня дошло.

Я бегал. Орал. Искал неизвестно что. Готовился к смерти, которую мне никто даже не обещал.

Из-за десяти чисел.

— Тварь.

Под ногтем большого пальца правой руки возникло что-то горячее.

Я машинально потряс кистью. Жар превратился в давление, будто кто-то просунул под ноготь тонкую иглу и начал медленно загонять её глубже. Следом появилась вторая.

Я стиснул зубы.

Вскоре казалось, что иглы сидят уже под каждым ногтем. Боль поднялась от запястий к локтям — суставы тянуло в обратную сторону, пока тело не начало вопить, что ещё немного, и связки лопнут.

Я рухнул на колени.

— Что теперь?!

— Отдай ненужное.

— Что?!

Левое плечо дёрнулось, будто сустав выскочил из чашки. Я заорал и прижал руку к груди.

Плечо стояло на месте.

— Отдай, — сказала она. — Я остановлю.

— Что отдать?

— Ненужное.

Боль переместилась в зубы. Казалось, их медленно вытягивают из челюсти один за другим.

— Что у тебя есть?

Я шарил по одежде дрожащими пальцами, пока не нашёл нож.

Выдернул его из ножен.

— Это?

— Если. Не нужен.

— Забирай!

Я разжал пальцы.

Нож исчез.

Не упал. Я не услышал падения и не почувствовал движения воздуха. В одну секунду рукоять была в ладони, в следующую пальцы сомкнулись уже на пустоте.

Боль исчезла вместе с ним.

Ненадолго.

Когда под ногами словно вспыхнул огонь, я отдал пояс. За ним — огниво, кошель, мешочек с сушёным мясом. С каждой вещью боль исчезала и возвращалась в другом месте, а её голос повторял:

— Ещё.

В конце я стоял без оружия и припасов, мокрый от пота, а внутри левого колена будто сдвигали кости.

— Всё! Больше ничего нет!

— Есть.

Боль в колене угасла.

Вместо неё что-то тонкое зацепило левый глаз изнутри.

Я зажал лицо руками.

— Что тебе ещё надо?!

— Ненужное.

— Палец?!

— Если. Не нужен.

— Глаз?!

— Если не нужен.

Я провёл ладонью по лицу. Глаз был на месте.

— Память?

— Если не нужна.

Я замолчал.

И сам не понял, зачем спросил:

— Человека тоже можно отдать?

— Если не нужен.

Что-то холодное прошло вдоль позвоночника.

Я вспомнил друга.

Всего на мгновение.

— Этот? — тут же спросила она.

Я отшатнулся.

— Нет.

Слишком быстро.

Она не угадывала.

Она видела.

— Он мёртв.

— Нет.

— Тогда другой.

И лица полезли сами. Жена. Пятеро детей. Мать. Братья. Сёстры.

Я стиснул зубы.

— Моё.

— Что?

— Моё. Не отдам.

— Почему?

Боль вернулась сразу в нескольких местах. Я согнулся.

— Потому что моё! Потому что не отдам, и всё!

Боль ещё какое-то время менялась, прыгая от суставов к зубам, от жара к холоду, от тупого давления к острым уколам. Я уже не пытался понять, что настоящее. Лёг на бок, подтянул колени к животу и ждал следующего места.

Всё отпустило.

Сразу.

Я остался лежать, мокрый от пота, хотя вокруг не чувствовал ни жары, ни холода.
Прошло несколько мгновений.

Я не шевелился. Ждал.

— Больно? — спросила она.

Что-то в её голосе заставило меня насторожиться.

Не сам вопрос.

Она на мгновение задержалась перед последним словом. Совсем чуть-чуть. Я уже слышал это раньше — перед тем, как меня ударило в бок. Перед тем, как началась боль.

Тогда я не обратил внимания.

Теперь обратил.

— Нет, — соврал я.

Я стиснул зубы и упёрся ладонью во что-то, что тело по-прежнему считало землёй.

Я ждал.

Я уже решил, что придумал себе очередную глупость, когда вдоль правого бока будто провели раскалённым железом.

Воздух вырвался сквозь зубы, но на этот раз я хотя бы не дёрнулся от неожиданности.

Когда отпустило, я остался сидеть.

Вот оно.

Может, случайность.

А может, нет.

— Встань, — сказала она.

И снова эта едва заметная задержка.

Я медленно поднялся.

Ждал.

Боль ударила снизу — в пах и низ живота, будто туда с размаху вогнали тупой кол. Меня согнуло, перед глазами вспыхнула белая муть. Я едва не рухнул, но всё-таки удержался.

Несколько раз вдохнул через нос.

Я оскалился в темноту.

— Ага! Всё-таки оставляешь след.

Я выпрямился настолько, насколько позволял живот.

— Попалась.

Мне даже стало легче.

Любая тварь оставляет след. Волк ломает траву. Кабан мнёт куст. Человек старается ступать тихо и оттого оставляет другой след.

Даже она оставляла.

Через несколько мгновений женщина велела:

— Иди.

Та же пауза.

Я напрягся.

Ничего.

Стоял.

Ждал.

— Ну?

Голос не отзывался.

Я держал всё тело напряжённым, пока мышцы не начали ныть сами по себе. Осторожно выдохнул и расслабил плечи.

Что-то вошло мне между лопаток.

Не ударило.

Именно вошло.

Я почувствовал, как тонкий холодный стержень проходит сквозь кожу, между рёбрами и глубже. Боли сначала почти не было — только отвратительное ощущение чужого внутри тела.

Стержень повернули.

Я рухнул на живот.

Из рта вырвался силый крик. Мне показалось, что внутри груди что-то намотали на невидимый крюк и потянули наружу. Сердце пропустило удар и забилось так часто, что я перестал различать отдельные толчки.

Я дёрнулся, пытаюсь вырваться.

Крюк исчез.

Я перевернулся на спину и обеими руками ощупал грудь.

Ни крови, ни отверстия — ни единого следа.

Она заметила.

Эта мысль пришла раньше всего остального.

Она поняла, что я заметил её предупреждение, — и специально оставила ложное.

— Ты... — Я сглотнул. Горло пересохло. — Ты специально сделала паузу.

— Да, я создаю.

Ответ прозвучал почти сразу.

Я застыл.

До этого я ещё пытался придумать, куда попал. Проклятие. Старое святилище. Кара Ночного Стража. Какая-нибудь магическая дрянь, которая сидела здесь задолго до моего рождения и повторяла одно и то же с каждым, кто подошёл слишком близко.

Теперь всё это рассыпалось.

Она не повторяла. Она смотрела на меня. Пробовала. Сравнивала.

Когда я находил способ выдержать одно — она меняла другое. Когда замечал её привычку — училась прятать привычку.

Я медленно сел.

— Ты меня пытаешь.

Ответа не было.

— Ты ведь даже не хочешь ничего узнать от меня. Тебе не нужен ответ. Ты просто смотришь, что я сделаю.

Пауза.

На этот раз короткая и совершенно естественная.

— Именно так, я узнаю.

Я поднял голову.

Слово прозвучало правильно.

Без той деревянной тяжести, с которой она говорила возле озера. Без пауз посреди фраз, будто каждое слово приходилось вспоминать отдельно.

Я вдруг услышал в памяти:

«Я. Здесь. Меня. Оставили».

Тогда слова будто лежали рядом, но не складывались друг с другом. Теперь складывались.

Внутри всё похолодело.

Она слушала меня. И училась говорить.

Я ещё не успел понять, что пугало сильнее — сама эта мысль или то, как быстро у неё получалось, — когда обе руки вдруг рвануло вниз.

Я едва не упал и машинально подхватил невидимый груз.

Пальцы сомкнулись на пустоте. Под ладонями ничего не было, но плечи уже напряглись так, будто мне всучили здоровенное бревно.

— Что теперь?

Она не ответила.

Груз потяжелел.

Я расставил ноги шире, согнул колени, прижал локти к бокам. Так стало легче, но ненадолго. Через несколько мгновений плечи начали гореть, под лопатками появилась тупая тянущая боль.

Я осторожно подался вниз, позволяя рукам опуститься вместе с грузом.

В темноте кто-то закричал. Я дёрнул руки обратно. Крик оборвался. Я замер, тяжело дыша.

— Кто там?

Тишина.

— Эй!

Никто не ответил.

— Там никого нет, — сказал я.

— Возможно.

Я стиснул зубы.

— Что значит «возможно»?

— Возможно, там никого нет.

— А возможно?

Небольшая пауза.

— Кто-то есть.

Мне захотелось плюнуть ей в лицо. Если бы я знал, где оно.

Тяжесть продолжала расти. Руки уже заметно дрожали, в пальцах появилось покалывание, локти будто медленно вытягивали из суставов.

— Ты его не знаешь, — сказала женщина.

— И что?

— Почему держишь?

— Потому что если брошу, он заорёт.

— Ты не знаешь, настоящий ли тот, кто кричит.

— Да.

— Не знаешь его.

Я усмехнулся сквозь зубы.

— Тебя я тоже не знал. Всё равно пошёл.

Вес резко увеличился.

Колени подогнулись. Я едва удержался. В правом плече что-то будто хрустнуло, по руке от шеи до мизинца прошла горячая полоса. Пальцы начали неметь.

Я попробовал пошевелить ими.

Получилось.

Значит, опять обошлось без перелома.

Только тело об этом не знало.

— Отпусти, — сказала она.

— Сама отпусти.

— Это ты держишь.

— Потому что ты заставила.

— Нет.

Я хотел огрызнуться, но пришлось сначала вдохнуть.

— Если брошу, там человек.

— Возможно.

— Значит, заставила.

— Ты можешь отпустить.

Я замолчал.

Вот тут она была права.

Я действительно мог.

Просто разжать руки. Выпрямиться. И всё закончится.

— Ты не знаешь, существует ли он, — продолжила женщина. — Не знаешь, умрёт ли. Не знаешь его. Почему?

Я закрыл глаза. Разницы никакой.

— Потому что если ты врёшь, я просто постою здесь как последний идиот.

Вес дёрнул руки вниз. Я удержал.

— А если нет — там человек.

Она не возразила.

— Мне этого хватает.

Что-то изменилось.

Не в весе.

В ней.

Я снова почувствовал то же самое, что утром у леса: будто на меня смотрят. Только теперь взгляд находился совсем рядом.

— Интересно, — произнесла женщина.

Слово прозвучало совершенно естественно.

Я хотел её послать.

Первой перестала держать левая рука.

Не заболела и не сломалась — просто отказала. Локоть провалился вниз, и человек в темноте закричал.

Я рванул руку обратно, перенося вес на правую. В плече будто что-то порвалось. Боль ударила до самой шеи, но я всё-таки поднял.

Крик стих.

На несколько секунд.

Подломилось колено.

Я упал, и тяжесть сразу рванула руки вниз. Где-то впереди снова заорали.

— Нет!

Я попытался подняться. Нога дрожала, пальцы уже почти ничего не чувствовали. Кое-как встал, перетянул вес обратно на руки, но тело больше не успевало за тем, чего я от него требовал.

Левая рука снова поползла вниз. Я рванул её вверх, перенося тяжесть на правую. Через миг сдалась и правая.

— Нет. Нет, стой...

Я ещё пытался удержать. Пальцы уже не слушались, плечи горели, колени снова подламывались.

Тяжесть сорвалась.

Крик ударил так, будто человек стоял прямо передо мной. Один длинный вопль — и короткий влажный хруст.

Тишина.

Вес исчез, и я рухнул на то, что здесь заменяло землю. Руки лежали рядом совершенно целые, только пальцы мелко дёргались и не хотели сжиматься.

— Он умер?

— Ты отпустил.

— Я спросил не это.

Тишина.

— Он вообще был?

Она отозвалась не сразу.

— Ты не знаешь.

Я уткнулся лбом во что-то, что тело считало землёй. Наверное, она ждала, что я снова начну орать, требовать ответа или хотя бы назову её тварью.

Не хотелось.

Впервые за всё время мне не хотелось ни ударить её, ни выбраться, ни понять, что здесь происходит. Хотелось только полежать несколько мгновений и не слышать её голоса.

— Я могу помочь, — сказала она.

Я тихо рассмеялся.

— Ты мне уже помогла.

— Попроси.

Я не сразу понял.

— Чего?

— Помочь тебе.

Теперь я рассмеялся громче. Получилось хрипло.

— Иди к демонам.

В пальцах вдруг пропала чувствительность.

Я дёрнул рукой, попытался сжать кулак. Не вышло. Пальцы висели отдельно от меня — я знал, что они есть, но больше их не ощущал. Онемение поползло вверх по запястьям, дошло до локтей, плеч.

Чувствительность вернулась.

Вся сразу.

Вместе с ней пришло ощущение, будто с рук содрали кожу.

Я заорал и прижал ладони к груди.

— Попроси.

— Нет.

Жжение исчезло из рук и вспыхнуло внутри живота. Меня скрутило. Следом заболели зубы, глаз, колено, рёбра — она перебирала уже знакомые способы слишком быстро, не давая привыкнуть ни к одному.

Я понял: ей надоело.

— Попроси меня, Герхард.

Первый раз она произнесла моё имя.

Я лежал, скрючившись, и искал хоть одну причину не делать этого.

Не нашёл.

— Помоги мне.

Всё прекратилось.

Я ещё несколько мгновений лежал, ожидая нового удара.

Удара не последовало.

Под ладонью появилась земля. Настоящая. Холодная, влажная, мягкая.

Я вцепился в неё обеими руками. Земля забилась под ногти, между пальцами хлюпнула грязь. Вернулся запах сырости. По лицу прошёл прохладный ветер. Где-то шелестели листья.

Я судорожно вдохнул.

Лес. Я был в лесу.

Боли не было.

Я ощупал лицо, грудь, руки. Всё цело. Даже усталость будто отступила.

— Ты... — Голос сорвался. — Ты правда помогла.

— Да.

Я опустил голову и прижался лбом к земле.

Наверное, именно поэтому следующий голос сначала показался настоящим.

— Папа?
Я застыл.
Тихо. Совсем рядом.
— Папа, ты где?
Я медленно поднял голову.
Младший.
Не просто детский голос.
Его голос.
Я знал каждую неровность, каждую ещё не выговоренную до конца согласную.
— Нет.
Лес исчез.
Земля под руками осталась, но ветер оборвался, запах сырости пропал. Вокруг снова была только Тьма.
— Папа?
— Нет. Нет, тебя здесь нет.
— Мне страшно.
Я закрыл уши.
— Это она.
Слева заплакала дочь.
Я повернулся прежде, чем успел себя остановить.
— Папа!
Справа ответил другой сын.
К ним присоединился ещё один голос.
Ещё.
Пятеро.
Не одновременно. Она выпускала их одного за другим, давая мне успеть узнать каждого.
Я поднялся.
— Не слушай.
— Папа, помоги... — Старшая дочь всхлипнула где-то сзади.
Ноги сами сделали шаг.
— Это не они. — Я остановился.
Младший закричал. Я рванул к нему.
С другой стороны заорал второй. Я развернулся.
Третий начал звать меня за спиной.
— СУКА!
Женщина не ответила. Она уже почти не была нужна. Дети справлялись сами.
Я знал, что их здесь нет. Знал так же точно, как знал, что вокруг темно. Она рылась у меня в голове, вытаскивала голоса, слова, привычки. Они дома. Они не могли попасть сюда.
Но когда ребёнок кричит от боли, ноги не спрашивают, настоящий ли он.
Я пошёл на голос дочери. Сын закричал громче. Повернулся к нему — заплакал младший.
— Хватит.
Никто не замолчал.
— Хватит! — Я зажал голову руками и сел на корточки. — Они дома. Они дома. Они дома.
— Отец! — Первенец позвал последним.
Я открыл глаза.
— Отец, помоги мне!
Тот самый.

После всего, что она успела сказать мне о нём.

После тех месяцев, которые я однажды пересчитал и заставил себя забыть.

После мысли, которую столько лет не позволял закончить.

— Отец!

— Мой, — сказал я.

Голос сорвался.

— Мой сын.

Он закричал. Я вскочил и побежал к нему.

Остальные четверо завопили почти сразу.

Я остановился через несколько шагов. Повернулся. Не знал куда.

Один просил прийти. Другой плакал. Дочь звала меня. Младший захлёбывался криком.

Первенец снова повторял:

— Отец! Отец!

Я метался между ними, хотя понимал, что никуда не приду. Теперь она даже не мучила меня телом. Не ломала кости, не жгла кожу, не душила.

Ей хватило пяти голосов.

— Хватит! — Я рухнул на колени. — Я знаю, что это ты!

Крики продолжались.

— Они не здесь!

Крики не стихли.

— Я ЗНАЮ!

Наконец ответила женщина:

— Почему идёшь?

Я замер.

Дети продолжали плакать вокруг.

— Потому что...

Слова не пришли.

— Ты знаешь, что их нет.

— Да.

— Знаешь, что это я.

— Да!

— Тогда почему?

Я стиснул голову руками.

— Потому что они мои.

— Все?

Я понял, о ком она. Поднял голову.

— Все.

— Первый не начался от тебя.

— Плевать.

— Почему?

Я рассмеялся. Или заплакал. Уже не понял.

— Потому что я его растил. Потому что он мой сын. Что тебе ещё надо?!

Она замолчала. А дети — нет.

Я больше не вставал.

Сначала просил замолчать детей. Потом — её.

— Хватит.

Голоса продолжались.

— Пожалуйста.

Только детские крики.

— Я всё сказал тебе. Что ещё тебе надо?

Никакого ответа.

Я лёг на бок и подтянул колени к животу. Закрыв голову руками. Пытался вспомнить настоящих детей — дома, живых, здоровых. Хотел увидеть их лица вместо этих голосов.

Не получалось.

Крики вытесняли всё.

В какой-то момент я перестал хотеть домой.

Мысль пришла настолько спокойно, что сначала я её даже не заметил.

Не домой. Не к жене. Не к детям.

Просто чтобы стало тихо.

— Убей меня.

Голоса оборвались. Все сразу. После них тишина ударила сильнее любого крика.

Я лежал и слушал собственное дыхание.

Женщина долго молчала.

— Ты хочешь умереть?

— Да.

— Почему?

Даже теперь.

Я закрыл глаза.

— Потому что больше не могу их слышать.

Она ждала.

Я уже знал, что этого недостаточно. Пришлось сказать правду до конца.

— Потому что я больше не хочу выходить. Не хочу домой. Не хочу ничего. Я хочу, чтобы ты закончила.

Последовала короткая пауза.

— Хорошо, — ответила она совершенно человеческим голосом.

Больше она не произнесла ни слова.

Сначала я решил, что всё уже закончилось. Ни голосов детей, ни боли, ни её присутствия — только темнота и собственное дыхание. Я лежал на боку, не двигаясь, и боялся даже проверить, действительно ли всё кончилось. Казалось, стоит поднять голову или хотя бы пошевелиться — и всё начнётся снова.

Вскоре вокруг появилось что-то ещё.

Я не услышал ни звука. Не почувствовал шагов или движения воздуха. Просто понял, что больше не один. Их было много, и они приближались со всех сторон, хотя в этом месте по-прежнему не существовало ни сторон, ни расстояния. Тьма будто стала гуще, и впервые с самого входа я почувствовал холод — не кожей, глубже. Он прошёл сквозь грудь, затронул сердце и остался там.

— Давайте, — прошептал я. — Только быстрее.

Первое прикосновение оказалось почти нежным.

Что-то прошло сквозь меня, и я приготовился к боли, но её не было.

Наоборот — исчез страх.

Не отступил, не притутился, не сменился усталостью. Его просто не стало. Ещё мгновение назад я лежал в полной темноте, окружённый неизвестными существами, которые пришли меня убивать, а теперь их приближение не пугало.

Я даже почувствовал облегчение.

Второе прошло сквозь живот, и исчезла злость. Я помнил, что ненавижу женщину. Помнил, как хотел добраться до неё, разбить ей лицо, заставить замолчать. Всё это оставалось в памяти, но сама ненависть больше не приходила вместе с воспоминанием. Остались слова о чувстве, которого уже не существовало.

Третье прикосновение забрало боль. Я всё ещё знал, что тело должно болеть: плечи горели от невидимой тяжести, пальцы сводило, грудь ломали, суставы выворачивали. Теперь руки, ноги и грудь были просто частями тела. Целыми. Ничем не отличавшимися одна от другой.

Следующее прошло через голову.

Я забыл голос друга.

Не сразу понял, что именно исчезло. Помнил охоту. Помнил, что сделал там что-то страшное. Передо мной когда-то лежал человек, а за ним осталась яма, которую я сам выкопал. Но лица уже не было.

Имени тоже.

Я попробовал восстановить хотя бы звук его голоса и нашёл только пустое место.

— Стойте...

Они не остановились.

Следующее прикосновение забрало дом.

Я ещё знал, что он у меня был: дверь, очаг, стол, какие-то стены, внутри которых прошла большая часть моей жизни. Но стоило попытаться представить хоть что-нибудь конкретное, как память рассыпалась. Будто мне когда-то просто рассказали о чужом доме и я запомнил несколько сведений.

Следом исчезло лицо жены.

Я знал, что она была. Что мы жили вместе. Что когда-то я выбрал её среди всех остальных и возвращался к ней после охоты, службы, долгих дней в лесу.

Имени вспомнить не смог.

Глаза, волосы, голос — всё исчезло.

Осталось только знание: жена была.

— Нет...

Я произнёс это тихо. Страх уже не осталось, поэтому даже испугаться происходящего я не мог. Только понимал, что теряю что-то важное, и пытался удержать хотя бы само это понимание.

Дети.

Их было пятеро.

Я точно знал.

Нет.

Почему пятеро?

Я попытался сосчитать и потерял число ещё до того, как закончил. Кто-то совсем недавно звал меня отцом. Несколько голосов. Я слышал их, бежал к ним, не мог выбрать, кого спасти первым.

Но теперь не мог вспомнить ни одного.

Что-то снова прошло сквозь грудь, и стало всё равно.

Не пусто.

Именно всё равно.

Я помнил, что минуту назад из всех сил пытался удержать внутри себя каких-то людей. Жену. Детей. Мать. Братьев. Сестёр. Слова ещё существовали, родство ещё имело значение, которое я понимал разумом, но людей за этими словами уже не было.

Я попытался вцепиться хотя бы в собственное имя.

Герхард.

Повторил ещё раз.

Герхард.

Это я.

Я знал это так же, как знал, что у человека две руки. Просто факт.

Через несколько мгновений произнёс имя снова и вдруг не смог понять, почему именно это слово должно означать меня.

Что-то прошло сквозь лицо.

Осталось совсем мало.

Я знал, что должен любить каких-то людей.

Эта мысль почему-то держалась дольше остальных.

Очень сильно. Настолько, что ради них хотел выбраться отсюда, вернуться, увидеть снова. Наверное, они были важными. Наверное, без них я не хотел жить.

Я попытался вспомнить кого.

Не получилось.

Через меня прошло последнее.

И необходимость вспоминать исчезла.

* * *

Холодная вода окружала тело.

Глаза были открыты. Перед ними колыхалась почти чёрная толща, прорезанная сверху тусклым серым пятном. Где-то далеко что-то ударило, и через воду пришёл глухой низкий звук. Поверхность дрогнула. Через несколько мгновений новая вспышка осветила воду и быстро погасла.

Грудь поднялась и опустилась. Вода плескалась у щеки, накрыла рот. Следующий вдох втянул её внутрь.

Тело дёрнулось. Горло судорожно сократилось, грудная клетка сжалась, пытаясь вытолкнуть воду. Рука шевельнулась и опустилась на дно. Пальцы погрузились в мягкий ил, раздвинули его и остались лежать.

До берега было совсем недалеко. Под ладонью уже было дно; достаточно было лишь одной ступне найти опору.

Рука не оттолкнулась.

Ноги не искали дна.

Вода поднялась выше лица. Следующий вдох оказался глубже, и лёгкие начали заполняться. Грудь резко выгнулась, ноги несколько раз дёрнулись сами собой. Одна ступня коснулась твёрдого дна и снова соскользнула.

Тело медленно сползало по подводному склону.

Сверху донёсся ещё один далёкий грохот. Чёрная вода дрогнула. Серое пятно света стало меньше.

Грудь ещё несколько раз судорожно сократилась, пока в ней оставался воздух.

И затихла.

Тело продолжило медленно уходить глубже.

Над ним сомкнулась чёрная вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.